

Романы Алисы Клевер
освежают чувства и дают верные
ориентиры в жизни.

Читайте в серии:

Два месяца и три дня

Четыре стороны света и одна женщина

Пятнадцатый рай

АЛИСА КЛЕВЕР
— ПЯТНАДЦАТЫЙ РАЙ —
роман

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К48

Художественное оформление серии
С. Груздева

Клевер, Алиса.
К48 Пятнадцатый рай : роман / Алиса Клевер. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Романы Алисы
Клевер).

ISBN 978-5-699-91455-5

Нет более гармоничной пары, чем Арина и Максим! И судя по всему, им никогда не придется секс, не наскучит быть вместе, потому что их чувства истинны, а фантазия богата на выдумки. И все бы у них было ладно, если бы не зависть, подлость и страхи окружающих их людей. Такой любви трудно не позавидовать! Отец Максима, богач, никогда не знавший отказа и привыкший манипулировать людьми, обманом и хитростью похищает Арину. Максим в ужасе. Но на помощь ему приходят те, на кого он не надеялся. Арине и Максиму раскрываются тайны, державшие в напряжении не одну душу.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91455-5

© Клевер А., текст, 2016
© Оформление. ООО
«Издательство «Э», 2016

«There are no unbeatable odds,
There are no believable gods,
There are no unnameable names...
...I don't ask much, I just want you¹».

Ozzy Osbourne

She tells me, «Worship in the bedroom».
The only heaven I'll be sent to
Is when I'm alone with you,
I was born sick, but I love it²...

Hozier

---

¹ Тут нет непреодолимого превосходства,
Тут нет правдоподобных богов,
И нет имен, которых нельзя назвать,
Я не прошу о многом, только о тебе.

Оззи Осборн

² Она говорит: «Поклоняйся в спальне».
Единственный рай для меня —
когда я остаюсь наедине с тобой.
Я был рожден больным, но я люблю это...

Хозиер

Корабль дал течь, и все знали, что капитан лжет. И он сам тоже знал, что эта страшная правда известна всем, но с невозмутимым лицом продолжал врать. Слишком поздно говорить правду. Зачем людям знать, что никто не придет им на помощь и никого не вытащат из глубокой темной воды. Люди продолжали безмятежно прогуливаться по палубам, закутываясь в твидовые пледы. Кто-то смеялся, громко, навзрыд, словно бы почти плакал, а официанты в белоснежных ливреях подавали шампанское в высоких бокалах из хрусталя. У всех официантов были одинаковые лица, определенно все они были — identical twins¹, и это было странно и ненормально, они просто не могли быть рождены одной женщиной. Десятки мужчин с одинаковыми глазами, разрезами рта, с совершенно одинаковыми выражениями лиц.

Этого не может быть. Линия горизонта сливалась одна на другую накатывавшимися волнами, и разглядеть ее было сложно, будто она каждую секунду теряла чет-

---

¹ Идентичные близнецы (*англ.*).

Алиса Клевер

кость и резкость. Как если бы Арина смотрела на горизонт в бинокль, фокус которого каждую секунду кто-то крутит то вперед, то назад. Но одно было отчетливо видно — с каждой минутой линия горизонта опускалась все ниже, и темная, похожая на масло вода приближалась.

В какой-то момент высокая рыжеволосая девушка в платье с цветастым принтом в стиле семидесятых потеряла равновесие на накренившейся палубе. И волосы, и платье, и даже смех девушки были настолько ярче всего остального, что создалось ощущение, будто она вписана в пастельную картинку флюмастерами. Девушка показалась Арине смутно знакомой. Все здесь казалось ей смутно знакомым. Рыжеволосая вскрикнула и неловко опустилась на палубу, но быстро вскочила в попытке скрыть следы своего падения как нечто неприличное, за гранью этикета — позорное.

Как я сюда попала?

Этого Арина не смогла вспомнить. Никогда бы она по доброй воле не зашла на этот корабль, не дала бы утянуть себя в открытый океан, полный темной воды. Но память отказывала ей, и прошлое растворялось в темных кругах на воде. Она с трудом помнила, кто она. Собственное имя застряло у нее где-то в глубинах сознания, сплетая тугую косу из слов, не имеющих одно к другому никакого отношения. Белоснежка. Нет, Арина. Нет, Белоснежка. Я люблю тебя. Самолет прилетает через полчаса. Горячий чай. Рыжие волосы и темные глаза. Ветер такой холодный, что пронизывает насквозь. Может ли она находиться в двух местах сразу? Может ли ей быть одновременно и жарко, и холодно?

Пятнадцатый рай

Максим!

Она тут же вспомнила его лицо, и ей пришлось изо всей силы вцепиться в поручни, чтобы не упасть. Корабль накренился. Арина крепко зажмурилась и попыталась сосредоточить мысли на красивом, чуть заросшем щетиной лице, на внимательных серых глазах, на темной взлохмаченной гриве волос. Она видит, как сильно он чем-то встревожен и хочет ей что-то сказать. Но она не желает ничего ни слышать, ни знать, и все, чего она хочет, — это чтобы он поцеловал ее. Чтобы взял ее за руку и увел за закрытые двери, где она снова оказалась бы в его власти. С того момента как она впервые увидела это серьезное не улыбочивое лицо на обороте брошюры фотовыставки «Ненависть», она уже не могла жить без огня его глаз и без этих сильных рук, от прикосновения которых в глубине ее тела разгорался пожар. На той фотографии его лицо будто выступало из лазурной бездны океанской воды. Теперь в эту бездну погружалась она.

Арина заметила, как несколько официантов сгрудились вокруг Рыжеволосой, а та обернулась, посмотрела ей прямо в глаза и вдруг... рассмеялась, скинула с себя платье и осталась обнаженной, бесстыдной. Она стояла, чуть расставив ноги, и вызывающе смотрела на Арину, и та невольно густо покраснела, увидев родинку над полоской рыжих волос на лобке.

Кларисса. Кларисса. Рыжую зовут Клариссой. У нее тонкие пальцы, певучий английский акцент, добрая улыбка и нож в руке за спиной. Фотографии. Арина стоит в длинном белом коридоре, по обе стороны от нее — двери, много дверей, но все они заперты. Стены

Алиса Клевер

бесконечного коридора увешаны ее фотографиями. Их сделал Максим, а Кларисса выставила в витрине своей галереи.

Вспомнила.

Они были знакомы в другой жизни. Кажется, Максим ее тоже любил, но все это уже не важно. Вся эта публика в роскошных вечерних платьях, с коктейлями в холеных руках — все они вдруг обнажились и сплелись в один змеиный клубок нагих тел и сцепленных рук, упругих грудей, ждущих прикосновений, и обнаженных эрегированных членов. Древнеримская оргия, пылающие огнем глаза близнецов-официантов, каждый из которых вдруг начал отдаленно напоминать ей Максима. Рыжеволосая Кларисса, не сводя с нее взгляда, вдруг извернулась и оседлала официанта в ливрее.

Кларисса улыбалась, наблюдая за ее смущением, и улыбка была порочной. А когда член официанта проскользнул внутрь гибкого, пластичного тела Клариссы, она изогнулась и с наслаждением простонала, но глаза ее оставались прикованными к Арине. В ту же секунду другой официант с тем же пугающе невозмутимым выражением лица подошел к Клариссе и наклонил ее, надавив рукой на плечо. Она подалась вперед, игриво улыбаясь Арине, и второй член с усилием вошел в готовое, не сопротивляющееся вторжению отверстие сзади. Кларисса ахнула и прикрыла лицо ладонью, закатила глаза, глумясь над пунцовой от стыда Ариной. Затем чуть опустила лицо и подмигнула Арине, в то время как двое мужчин-близнецов стали двигаться резко, ритмично и слаженно, с двух сторон овладевая ее жадным до

Пятнадцатый рай

плотской любви телом. А дальше в игру вступил третий официант. Он расстегнул ширинку белоснежных брюк и приблизил к улыбающемуся рту Рыжеволосой напряженный, пульсирующий от возбуждения член.

— М-м-м, я всегда хотела, чтобы его было трое, — пробормотала Кларисса и широко открыла рот, готовая принять предложенное ей лакомство. Арина, озираясь, забилась в панике. Ее охватил страх. Она заметила, как солнечный свет удаляется, меркнет. Медленно возносится вверх по мере того, как их всех накрывает темнеющая синяя толща воды. С ледяным ужасом Арина понимает, что все они *уже на дне*, и она стоит среди гогочущей толпы голых людей. Глаза их пылают красным, а самое страшное, что она, Арина, стоит здесь так же бесстыдно, и что она тоже обнажена, и руки ее связаны за спиной лентой от кухонных занавесок. И она ждет его, и хочет его, и не может без него жить. Ее любовник.

Ее любовь.

Темная вода была живым существом, чудовищем, изголодавшимся в ожидании новых развлечений и своей новой любовницы, ненасытная и готовая поглотить ее целиком, без остатка, и удержать в темной стылой пучине навеки. Арина закричала, но крик ее не пробивался сквозь бесконечную мощь воды.

* * *

Она проснулась внезапно, разбуженная собственным криком. Вокруг было темно, и Арина не сразу поняла, что сон сменился явью и что темнота эта — часть

Алиса Клевер

реальности, а не продолжение чудовищного кошмара, из которого она уже не надеялась вырваться. Тяжело дыша, она резко села и только несколько секунд спустя смогла осознать, что да, это не корабль-призрак, а она больше не обнажена и не в воде. Она на кровати, и на ней какая-то длинная, не по размеру большая футболка, но чья она и как на ней оказалась — неясно. Трусики тоже на месте. Жарко. Она лежит на кровати во тьме, что тоже странно. Никакого света, ни окон, ни дверей, ни занавесок, из-под которых могли бы пробиваться лучи уличных фонарей.

Словно это все же продолжение сна.

Она ощупала кровать рядом с собой. Ничего особенного — и ничего, что могло бы ей дать хоть какую-то информацию. Впрочем, кровать большая, двуспальная, с хорошим матрасом. Простыни еще горячие от ее тела. Наверное, у нее жар. Взмокшие волосы налипли на лоб и лицо, и пришлось несколько раз провести по щекам руками, чтобы убрать их. Одеяло тяжелое, пуховое. Стена у изголовья на ощупь странная, словно пластиковая. Возле кровати тумбочка, и — о, спасибо! — на стене закреплен светильник. Арина щелкнула выключателем и с изумлением оглядела небольшую, не знакомую ей комнату. Ее внимание привлекло овальное оконце, прикрытое пластиковой шторкой.

Она в самолете!

Холодный ужас снова схватил ей горло, и воспоминания вырвались из сознания. Вчерашний день, Ричард и его темные глаза, исполненные предательства. Аркадий, подающий ей руку, галантный дядюшка-дьявол.

Пятнадцатый рай

Арина вскочила и огляделась, пытаясь унять панику, подавить рвущийся из горла крик.

Как она сюда попала? Неужели та ночь все еще продолжается? Это невозможно. Они опоили ее чем-то и выкрали, они легко могли продержать ее в бессознательном состоянии несколько дней. Странно, что они попросту не убили ее. Она зачем-то была им нужна, и они переодели ее в чью-то футболку и уложили спать. Арина содрогнулась и скривилась от отвращения при мысли, что дядюшка-дьявол к ней прикасался. Возможно, нес ее на руках, бесчувственную, переодевал. Бог знает, что еще он мог сотворить с ней. Он способен на все.

Торопливо обследовав тело, Арина не нашла никаких подозрительных следов, если не считать пары синяков и темных следов на запястьях, но это было — другое. Максим! Его имя вспыхнуло в памяти одновременно с целым ворохом воспоминаний, и злые, безразличные лица из ее сна рассеялись. Максим ищет ее, а на ее руках — следы их с Максимом любви, их горячей, сумасшедшей схватки, в огне которой ни он, ни она не могли отличить огня от воды, а боли от наслаждения. И ни один не мог и не хотел сказать «стоп».

Это была их любовь, их маленькая бесконечность.

Арина прикусила губу, чтобы не закричать. Если они держат ее здесь, то лишь затем, чтобы шантажировать Максима. Он любит ее, и эта мысль наполняет все ее тело счастьем. Он любит ее, и это бесит дядюшку-дьявола. Быть может, они шантажируют его прямо сейчас, требуя ради сохранения ее жизни пойти на жертвы, на которые он пойти не должен и не сможет. Чего они

Алиса Клевер

могут потребовать от него? Навсегда покинуть Россию? Навсегда оставить ее, Арину? Навсегда забыть, чье лицо снится Максиму каждый раз, стоит ему уснуть на ровной мягкой постели?

Тишина. Подозрительная тишина. Самолет стоял, а не летел. Она бы услышала гул, избавиться от которого было бы невозможно, сколь бы хорошей ни была звукоизоляция. Они что, просто оставили ее одну в самолете, в спальне? Арина бросилась к иллюминатору, открыла пластиковую створку и прижалась горячим лбом к холодному стеклу. За окном была ночь, и шел дождь. Все, что она увидела — это что они стоят на асфальтовой убегающей вдаль дорожке и что рядом с ними стоят еще два самолета. Частных самолета. Она вспомнила и вензель клана Коршуновых. Значит, она снова попала на тот самолет, сейчас — на правах пленницы. Когда человека нельзя купить, его можно убить.

В нерешительности Арина встала и прошлась из угла в угол. Мысли скакали как бешеные, отказываясь принять факт, что сопротивляться бессмысленно. Иллюминатор слишком мал, но даже если бы она умудрилась протиснуться сквозь овальное отверстие, ей никогда не выбить стекла. Полнейшая беспомощность. Не та беспомощность, когда ты покорно подставляешь свои руки, позволяешь любимому стянуть запястья ремнем, привязать тебя к креслу... Беспомощность отчаяния, в которой нет ничего, кроме желания выжить, найти выход там, где его нет и быть не может.

Все кончилось разом — время вышло, двигатели завелись с громким гулом. От неожиданности Арина

Пятнадцатый рай

вскрикнула, но ее крик потонул в шуме моторов. Они улетают. Куда? Куда бы они ни направлялись, выбраться оттуда будет куда сложнее, чем отсюда. Каким-то шестым чувством Арина была уверена, что они в Москве. Какой-то аэропорт. Какой? Она знала только Шереметьево и Домодедово. Куда они приземлятся обычно? Она приземлялась только в Хитроу и в Санкт-Петербурге.

Взгляд ее наткнулся на небольшую изящную вазу с живым цветком — эту красную розу поначалу она не заметила. Ваза была легкая, длинная, тонкая, предназначенная вместить только один цветок. Арина выкинула розу на пол, вылила воду на ковер, схватилась поудобнее за нижнюю часть вазы и огляделась.

Она слышала о «розочке» от подруги Нелли, но никогда за все двадцать лет своей жизни ей не приходилось воспользоваться этим «оружием пролетариата» для защиты. И уж тем более для нападения. Рука дрожала, но Арина заставила себя успокоиться, сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, подошла к стене возле иллюминатора и ощупала угол тумбочки у кровати.

Р-р-р-аз!

Что было силы она шарахнула вазой о край тумбочки — и вскрикнула от боли в предплечье. Ваза разбилась, звон стекла могли услышать, но разве теперь это было важно. Арина подавила крик. Ваза разбилась точно так, как она и хотела. Кривой рваный стеклянный край выдавался по одной стороне, но держаться за доньшко было удобно.

Разве можно с этим идти туда?